

Великолепные глаза Сану, которые медленно закрывались и открывались, полностью сомкнулись, и в этот момент Чехён страшно испугался. Умер? Слишком сильно накинута и не выдержал... Это смерть на животе? Нет, смерть под животом?

Чехён похлопал по щекам Сану, но Сану, казалось, и не собирался открывать глаза. Рука, которая безболезненно похлопывала по щеке, наполнилась силой настолько, что раздался звук "чпок".

— Больно...

Даже потеряв сознание, видимо, боль была неприятна - Сану замахал руками и открыл глаза. Судя по затуманенным зрачкам, сознание ещё не вернулось, поэтому Чехён ещё раз "чпок" - вlepил пощёчину Сану. Вкладывая мольбу - пожалуйста, только не умирай на моей кровати в моём доме.

— ...Больно же!

От беспощадного прикосновения Сану мигом пришёл в себя и заорал. Фух. Заметно долгий вздох облегчения просочился между губами Чехёна. Чехён медленно вытащил половой орган, всё ещё огромный даже после эякуляции, и спросил у Сану:

— Как было?

На самом деле Чехён хотел спросить - было ли хорошо. Просто его беспокоило то, что он слышал - мужчины, которые после секса спрашивают, было ли хорошо, разочаровывают. Хотя спросить "было ли хорошо" или "как было" - одно и то же.

— Что именно...?

— Что "что". Первый секс. Как было.

А, - из рта Сану вырвался глупый звук. Я только что получил первый опыт. Поскольку не расстался с девственностью, это ещё не первый опыт? Сану смущённо плотно сомкнул широко раздвинутые ноги и порылся в прерывистых воспоминаниях.

— Казалось, умру...

После мучительного выражения лица наконец последовал ответ Сану, но Чехён остался недоволен. Так хорошо было или плохо? Желание спросить напрямую забило ключом, но Чехён изо всех сил подавил его. Рот, насильно проглотивший слова, которые хотелось сказать, зудел.

Сану действительно казалось, что умрёт - внутри живота всё ещё звенело. Когда пошевелился, бедро Сану естественно слегка раздвинулось. Белая внутренняя часть бедра и немного припухшая дырка обнажились, и Чехён сглотнул слюну. Мой член только что был воткнут туда, верно? Чехён невольно вспомнил ощущение дырки, которая жевала так, что могла проглотить даже яйца.

Сладкий запах еды, поблёкший после того, как Чехён кончил, снова начал тонко распространяться. В последнее время с мыслью, что может стабильно получать питание, после того как один раз съедал сперму, убегал, расставаясь с Чехёном, но сегодня почему-то было жалко. Может, потому что было так хорошо, что казалось, умрёт. Определённо, когда впервые вставлял, было страшно, что разорвётся, но почему возникает желание сделать ещё раз - Сану сам себя не понимал.

— Если ещё раз попробовать, кажется, точно пойму...

Для слов, произнесённых застенчиво, отвернув голову в сторону, они были чрезмерно провокационными. Чехён не упустил этот тонкий момент и вклинился. Просунул толстое тело между ногами, раздвинутыми совсем чуть-чуть, и плотно прижал губы к щеке Сану, к носу.

— Почему? Что поймёшь?

"Не знаю", - голос Сану, который отвечал, уже был влажно мокрым. Определённо, как говорил Чехён, питательные вещества, всасываемые через прямую кишку, были эффективнее - настолько хорошее настроение, что лениво похлопывал по животу. Хи-хи, - Сану показал смеющееся лицо. Это была яркая улыбка двадцатилетнего возраста, поэтому Чехён, наоборот, почувствовал себя неловко.

— Кто тебе сказал так смеяться.

Несмотря на необоснованное ворчание Чехёна, Сану не переставал хихикать. Это лицо показалось неожиданно противным, и Чехён слегка ущипнул нос Сану. У-ын, - шевеление носом показалось похожим на кролика. Чехён перевернул тело Сану, заставив лечь на живот.

— Нигде не смей улыбаться с таким лицом.

Чехён, произнеся слова, в которых тонко сквозило желание обладать, потёр член, снова набухающий, о ложбинку между ягодиц Сану, двигая вперёд-назад. Сану, лёжа на животе и повернув только голову к Чехёну, снова хе-хе, засмеялся.

— С таким лицом?

— Да. Правильно.

Чехён плотно потёрся губами о щёку Сану, а затем оторвался. Соблазнительный сукин сын. Каждое действие Сану было до боли милым, и Чехён рассмеялся. Хотя в какой-то степени привык, всё равно Сану постоянно было неловко и страшно с Чехёном. К тому же на данный момент это единственная еда, поэтому каждый раз приходилось нервничать - а вдруг не испортит ли настроение. Но сегодня, может, потому что у Чехёна было хорошее настроение? Захотелось спросить - почему, собственно, говорит не смеяться.

— ...Почему?

На вопрос Сану движения Чехёна, который тёрся членом между ягодиц, остановились. Сану тихо ждал ответа, втайне надеясь. Обычно в дорамах видел - "не улыбайся другим людям, кроме меня, я ревную", - такое. Что толку от ревности Чехёна, но всё же, если единственная еда хочет обладать только мной - разве это не хорошо и ей, и мне?

Чехён, смотревший на сверкающие глаза Сану, открыл рот, словно это само собой разумеется:

— У тебя глупое лицо, и если ещё будешь улыбаться, выглядеть будешь совсем убого. Физиономия - самое то, чтобы получить удар в спину.

Так и знал. Думая, что я - идиот, раз хоть на миг надеялся, Сану резко отвернул голову. Даже задницу подставил, а он не то что медовые слова, хоть и лживые, в ухо нашептать - только противные слова сыплет, и Чехён раздражал. У Чехёна сладости не было вообще, кроме запаха. А, сперма и язык тоже добавляются. Сану уткнулся лицом в подушку и изо всех сил показал

обиженный вид, но Чехёну, которому, видимо, достаточно было только воткнуться в дырку, было всё равно, и он согнул колени Сану, подняв поясницу.

— Итак. Сказал, если ещё раз попробовать, кажется, поймёшь?

Кончик головки Чехёна занял позицию над дыркой Сану.

— Нет. Вечно не пойму.

Всё ещё уткнувшись лицом в подушку, Сану промычал в ответ.

— Да? Тогда буду делать, пока не поймёшь.

Чехён произнёс страшные слова и вогнал член в дырку Сану, влажно мокрую от спермы, которую раньше излил.

Были ли слова о том, что будет делать, пока не поймёт, искренними - Чехён каждый раз после эякуляции спрашивал у Сану: "Теперь понял?" Когда впервые получил этот вопрос, обида не прошла полностью, и ответил, что не понял - это и стало причиной беды. Как только сказал, что не понял, член снова вонзился, и Сану, рыдая у-у, повис на плечах Чехёна. Каждый раз, когда Чехён эякулировал один раз, Сану выделял сперму по два раза - расчёт никак не сходился. Намного больше энергии уходило, чем заполнялось, - это был односторонний убыток Сану.

Поэтому, когда услышал второй вопрос - понял ли, Сану отчаянно закивал головой.

— Понял?

— Хы-ык... Да...! Ха-а, понял...!

— Как именно?

Сану на мгновение замешкался и снова должен был принять член Чехёна нижним ртом. После третьей эякуляции Чехён, привыкший к телу Сану, постепенно мог контролировать время эякуляции. Неспешно смакуя каждый уголок тела Сану, Чехён произнёс, словно делая одолжение:

— Если кажется, что понял, говори в любое время.

— Хит, хорошо...! Ахык! Хорошо...!

— Где и как хорошо?

Увидев лицо Чехёна, который спрашивал, легко прижимая губы к колену Сану, перекинутому через плечо, Сану обрёл озарение. Не до тех пор, пока я пойму, а до тех пор, пока Чехён захочет.

Сану, несколько раз подряд евший сперму нижним ртом и в два раза больше изливавший сперму, занимался сексом непрерывно, пока наконец не потерял сознание. То тут, то там не выдерживая издевательств Чехёна, он в качестве дополнения комментировал, что приятно: "приятно, когда член президента плотно надавливает", "там, внутри, сейчас тычете - там хорошо", "так хорошо, когда трогаете грудь".

***

Проснувшись ото сна, Сану по привычке, даже не открывая глаз, потянулся всем телом, лёжа на кровати. Сегодня особенно нежно ощущалась простыня на кровати, к которой прикасались кончики пальцев. Когда моргая открыл глаза, тёплые солнечные лучи, льющиеся между окнами, приятно щекотали лицо. Видимо, крепко спал, даже снов не видел – утро было бодрее, чем обычно. Сегодня суббота – может, поспать подольше? – думая так, Сану, сворачивавший одеяло, широко раскрыл глаза.

Постой. С каких пор моя односпальная кровать стала такой широкой, что когда потягиваешься, кончики пальцев касаются простыни? Обычно несколько раз в воздухе помахивал и вставал, разве нет? Солнечный свет? Моя комната примыкает к балкону, поэтому солнце плохо проникает, разве нет? Сану резко сел.

— Ай-гу-гу.

Сам собой вырвался звук, как у старика. Не голоден и сознание предельно ясное, но все мышцы тела скрипели. Осознав покалывающую боль где-то глубоко между ягодиц, Сану только тогда понял, где он находится.

— Проснулся?

На низкий монотонный голос, раздавшийся за спиной, Сану повернул голову.

— На удивление в порядке?

— До...брое утро.

Прохладное приветствие вырвалось потому, что Чехён сидел, опираясь на изголовье кровати, в слишком опрятном виде и читал книгу. В отличие от голого Сану, Чехён был одет в тёмно-синюю шёлковую пижаму. Принимал ли душ и спал – волосы Чехёна, которые вчера вечером были зачёсаны воском, легко колыхались над бровями. Надавливая рукой на свои волосы, которые наверняка торчат как воронье гнездо – и без того видно, Сану пробормотал про себя:

— Вау. Прямо мелочный, мелочный.

— Всё слышно.

— Так и хотел, чтобы услышали. Мелочно – один помылся и пижаму надел.

Глядя на Сану, который ворчал по любому поводу, Чехён усмехнулся. Особой причины не было – просто голым был красивым, поэтому ничего не надел. В доме Чехёна и летом, и зимой поддерживается оптимальная температура 24 часа в сутки, поэтому если спать голым, простудиться невозможно.

— Для потерявшего сознание бодр очень.

— Я вчера потерял сознание?

Сану повернулся всем телом, садясь, и сильно нахмурился. Так и есть. С какого-то момента воспоминаний не было. Вчерашняя ночь была настоящей пищевой пыткой. Даже если давать вкусную еду, но живот вот-вот лопнет от сытости, а насильно продолжают засовывать в рот – можно только заболеть. Секс Чехёна прошлой ночью был именно таким. Тяжело и сыт, больше не могу есть – умолял, но человеком, решительно говорившим, что можешь есть, был Чехён. Даже когда рыдал – я говорю, что не могу есть, почему президент решаете за меня, – Чехён не

оставил места для компромисса.

— Вставай, чтобы поесть.

Чехён, положив книгу, которую держал в руках, на прикроватную тумбочку рядом с кроватью вверх ногами, встал с места. Действительно совсем не выглядит дружащим с книгами, но неожиданно. Сану угрюмо думал, глядя на спину уходящего из комнаты Чехёна.

Тело Сану, слезшего с кровати, скрипело. От мышечной боли, как на следующий день после спортивного праздника, Сану издавал стонущие звуки. Кстати, тело, которое должно было быть липким от пота и всевозможных жидкостей, было сухим и приятным. Видимо, совсем не бросил. Сану, насильно опуская уголки губ, которые сами поднимались, позвал Чехёна. Уж если заботиться, то заботься до конца.

"Президент, где моя одежда...!"

<http://bllate.org/book/14976/1505448>